

Эльдар Ахатов
Крайний Север



Эльдар Ахатов
Крайний Север

«Издательские решения»

Ахадов Э. А.

Крайний Север / Э. А. Ахадов — «Издательские решения»,

Тонкая лирическая проза Эльдара Ахадова о Крайнем Севере и его людях продиктована пронзительно искренней любовью к этому суровому краю, пониманием и восхищением его природой и людьми. По словам литературных критиков: «... даже если бы книга не обладала теми художественными достоинствами, которыми она обладает, то и тогда ее следовало бы прочитать для восстановления души и духа».

© Ахадов Э. А.

© Издательские решения

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| В далекой северной стране... | 6 |
| Туманы тунгусские | 7 |
| Три солнца | 8 |
| Про снег | 10 |
| Тасу-Ява | 11 |
| Маруьска | 12 |
| Не от мира сего | 13 |
| Снежные куропатки | 14 |
| Ненцы | 15 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 17 |

Крайний Север

Эльдар Ахатов

© Эльдар Ахатов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

В далекой северной стране...

В одной далекой-предалекой северной стране, где всю осень и всю весну над заснеженной землей сияет двурогое солнце, а нескончаемой зимней звёздно-морозной ночью молчаливое небо полыхает всеми цветами радуги, живут маленькие человечки сихиртя. Там, посреди бескрайней тундры, из одиноких ледяных холмов по древнему обычаю каждый день они выводят на прогулку покрытых рыжевато-коричневой длинной шерстью мамонтов с очами сияющими, как летящие голоса журавлиного клина.

Сихиртя – смешные, суетливые человечки, заглядывают в эти глаза, словно в темные тундровые озера с мшистыми бурыми берегами, и умолкают. И проплывает над застывшими белоснежными облаками высокое серебристое небо. И поют сихиртя свои волшебные песни. И ездят они верхом на мамонтах по широкой, раскрытой, как ладонь доброго человека, земле.

А потом, когда мамонты нагуляются, а двурогое солнце отправится отдыхать туда, где кончается небо, маленькие бабушки и дедушки сихиртя собирают вокруг себя внучат и начинают рассказывать им волшебные сказки о далеких-предалеких южных странах, где растут пальмы, кричат попугаи и шумит теплое изумрудное море.

Ребятишки сидят у костра, слушают сказки и смотрят, как в отблесках пламени возникают и вновь исчезают диковинные огненные картины: то ли тигры рычат, то ли верблюды бредут по пустыне, то ли ещё что-то...

И слушают. И засыпают.

Удивительное это место – земля. Всё у неё есть: и небо живое, и солнце двурогое, и страны – дальние, диковинные...

Туманы тунгусские

Плывут туманы над Нижней Тунгуской. Плывут, плывут. Просвечивают сквозь них длинные, протяжные, словно эхо, берега: где высокие да обрывистые, где низкие да замшелые. Бегут по берегам деревья лесные – лиственницы, березки... Бегут, бегут, прячутся в туманах от ветра осеннего, студёного, неперемного. А не укрыться им за туманами, не спрятаться! Разнесёт ветер и туманы, разнесёт, разгонит, а что не разгонит – то в небо подымет, в облака-тучи обратит, дождями на землю прольёт, снегами выметет...

Плывут туманы над Нижней Тунгуской, словно призрачными ладонями, словно пальцами белесыми чуть касаясь реки-красавицы. Ожерельями-плёсами расплескались вдоль неё бесчисленные бусинки-самоцветы – сердолики рыжие, кварцы молочные, прозрачные горные хрустали да цветные яшмы...

Говорят, если терпеливо вслушиваться в туманы, то можно порой различить в них древний, манящий, таёжный голос, сказочный голос девки-Синильги... Плывут туманы над рекой, плывут, словно души человеческие, Синильгой замороженные, влюбившиеся в эти берега, в эти оленьи тропы, в эти поющие горлом диковинные эвенкийские скалы...

Ходят в глубинах речных, изумрудных, рыбы могучие – бесценные тёмные таймени. Светом брызнувшим отражаются на речных волнах радуги небесные. И, конечно, наступают однажды, ледяные, морозные ночи длинные, дни короткие...

Утечет время, выюгами завьётся – снегами уляжется, унесёт путника далеко-далёко от сибирской реки. И вдруг, ненароком, вздрогнет оно в самом сердце, вернётся эхом, наснитса-нагрезитса: и поплывут, поплывут снова сквозь память человеческую волшебные туманы над Нижней Тунгуской...

Три солнца

Многие, кто не был в Заполярье, когда говорят о нём, рисуют в своем воображении картины полярной ночи и загадочного полярного сияния, представляют себе белых медведей из кинофильмов и бескрайние ледяные поля.. Всё это так. Но я хочу сегодня рассказать о том, чему сам был свидетелем, и что меня поразило, поскольку ничего подобного прежде и представить себе не мог.

Небо в Заполярье... низкое. Это чувствуется сразу. Облака плывут – чуть не стелятся над землёй. Звёзды тоже кажутся более близкими, что ли. Впрочем, вроде это можно объяснить тем, что Земля на самом деле вовсе не шар, а, как выражаются ученые, геоид. То есть, землеподобная по форме. С полюсов она сплюснута, как бейсбольный мяч. И до центра Земли от полюса на 21 с лишним километр ближе, чем от экватора. Впрочем, я лично не замерял, вычитал где-то.

Ощущение того, что до неба здесь – рядом, меня на Севере никогда не покидает, как и сейчас, потому что пишу я эти строки именно здесь, в Заполярье. И проверить свои ощущения тоже нетрудно: достаточно посмотреть в окно, где... увы, неба в данную минуту вообще не видно: метель разыгралась. Извините.

Кроме тех особенностей Севера, о которых знают все, мне посчастливилось наблюдать такие, о которых... Вы видели когда-нибудь на небе одновременно три солнца? 28 октября 2006 года с самого утра стоял крепкий, под сорок градусов, мороз. Небо было ясным, солнечным. Я обратил внимание на то, что недалеко от солнца в небе пылал странный огненный столб. Мы с водителем собирались в дорогу на «Ниве».

Позвал водителя, показываю ему рукой. Удивляется. Отходит в сторону, потом машет мне: по другую сторону от солнца тоже огненный столб в небе. Просто из-за крыши дома я его с той точки, где стоял, видеть не мог. Оба столба чуть косоватые – дугой к светилу.

Поехали. В преддверии полярной ночи солнце над горизонтом поднимается невысоко, и потому светлое время суток длится недолго. Солнце со своими широко раздвинутыми огненными дугами по обе стороны от себя сопровождало нас всю дорогу. И очень оно мне напоминало собой по форме шоферскую баранку, сверкающую над горизонтом. Фотоаппарат был с мной, так что снимки есть, но больше одного кадра за один выход из машины сделать ни разу удалось: батарейки в теплолюбивом фотоаппарате замерзли моментально, а его маленький коварный экран тут же услужливо сообщал, что питание на исходе.

Самое же незабываемое небесное явление в тот день ожидало нас на закате в маленьком тундровом поселочке. Над грозным багровым горизонтом полыхали три огненных зубца гигантской королевской тиары. Они были почти одинаковой величины, как три драгоценных рубина! Центральный «камень» имел почти правильную форму ромба, а боковые – форму вытянутых в противоположные стороны от солнца треугольников.

Всё это можно было наблюдать почти до самой темноты, пока свет солнца окончательно не исчез вдали...

Но на этом мои встречи с необычным северным солнцем, к счастью для меня, не завершились! В ночь с 14 на 15 мая 2009 года я находился в вагончике посреди тундры возле одной из буровых. После полуночи в вагончик заглянули двое рабочих ночной смены и позвали меня посмотреть на солнце. Дело в том, что в это время даже в половину первого ночи солнце ещё сияло над заснеженной тундрой. Увиденное заставило меня бежать за фотоаппаратом.

Небо, как пирог, всюду было покрыто ровным слоем облаков кроме той части, где над горизонтом сияло каплевидное солнце, более всего напоминающее собой пламя свечи. А на довольно значительном расстоянии слева и справа от него сверкали две грандиозные радуги! Вернее два радужных столба. Тундра в тех местах всюду почти идеально плоская, и,

чтобы сделать кадр получше, я инстинктивно начал искать хоть какое-нибудь возвышение, отправившись к строящейся деревянной вертолетной площадке. Впрочем, никакого особого эффекта это не возымело.

Когда светило окончательно опустилось за горизонт, над ним в небе до самых облаков вдруг поднялось бледнеющее сияние по форме очень напоминающее изображения атомного «гриба» на месте взрыва. Через некоторое время оно растворилось в воздухе.

Однажды я рассказал об этих случаях своему тестю, северянину, заядлому рыбаку и тундровому охотнику. Он ничуть не удивился, а сообщил мне о случае на охоте, когда ему довелось наблюдать в небе не три, а... девять солнц одновременно! Девять! И все они сияли над заснеженным горизонтом! Я полагаю, что это чистая правда. Не только потому, что мой тесть никогда не приукрашивает виденное им, но и потому, что вижу в этом математическую логику. Если бы у каждого из трех солнц, которые видел я, было бы ещё по два отражения справа и слева от каждого, то солнц на небе было бы ровно девять!

Видел я и другие чудеса с солнцем в низких северных небесах. В середине марта того же 2009 года самосвал, в котором я ехал по зимнику завалился в сугроб на обочине. Вышли, начали откапывать. Когда уже вызволили машину, я обратил внимание, что солнце, висевшее низко над горизонтом пересеклось небольшим плоско вытянутым облачком. В результате в небе над тундрой засверкал настоящий огненный крест! Лучи солнца сверкали строго в четырех направлениях: влево-вправо и вверх-вниз. Настоящее крестное знамение!

А в начале апреля 2010 года будучи в таежной Эвенкии мне пришлось сильно сожалеть о том, что не захватил с собой фотоаппарата. Впрочем, даже если бы он и был при мне, не факт, что я успел бы сообразить и сфотографировать небесное явление, просуществовавшее буквально несколько десятков секунд. В небе над тайгой висело марево безликой облачности, из которой в том месте, где должно было быть солнце, вдруг пробился свет в форме мерцающего треугольника, и пространство под этим треугольником осенилось светом пирамидальной формы! Над миром прямо в воздухе возникла неярко светящаяся, но явно видная, призрачная гигантская пирамида, накрывшая собой изрядную часть тайги вместе с сопками и заснеженным лесом.

Солнце весной в тундре до того яркое, сверкающий всюду снег до того режет глаза, что все водители дружно предпочитают ездить только по ночам. И ещё: в это время всё местное население, включая тех, кто разъезжает на снегоходах и оленьих упряжках, и шагу из дома не сделают без темных «пляжных» очков. Так и рассекают по тундре, словно по пляжам знойного Рио-де-Жанейро. Вот оно какое – северное солнце! Непредсказуемое...

Про снег

А снег бывает разным. Очень разным. В морозную и сухую погоду посреди тундры он течет точно так же, как текут пески в пустыне. У тундры с пустыней много общего зимой. Снег – холодный и сухой от мороза напоминает песчинки. Он так же, как песок, режет лицо, когда ветер дует навстречу. Он так же змеится и течет над поверхностью, буквально на глазах пере­мётывая свежую дорожную колею, с лёгкостью растворяя в себе следы человеческие. А стоит появиться препятствию на пути текучего снега, как он образует возле них такие же сугробы, какие песчаные бугры возникают возле преград благодаря бесчисленным летучим песчинкам в далекой жаркой пустыне...

И как струящиеся в пустыне пески невольно рождают в душе ассоциации с песочными часами и вызывают к жизни мысли о бренности всего сущего, так же и текущие по тундре снега пробуждают в нас схожие настроения...

Змеится, струится, свивается и развивается мелкий снег в поземке. Но стихает ветер. Появляется в небе морозное солнце. И снег начинает искриться и кувыркаться в воздухе. Искры снега порхают, играют в воздухе, словно мелкая летняя мошкара. В особо же тихую морозную погоду искорки снега плавают в солнечном воздухе, как в бокале шампанского. Иногда он просто сыпется с чистого неба: идёт слепой снег точно так же, как летом бывает слепой дождь!

А когда начинается пурга, то струи снега вздымаются, неистово кружась, образуя снежные водовороты и смерчи. Белесое холодное пламя метели затмевает всё вокруг. Языки этого снежного пламени, как живые, жадно тянутся к корпусам мчащихся в белесом мареве грузовых автомобилей. Наступает ночь, и в свете фар, словно в сияющих тоннелях среди окружающей темноты, яростно плещутся, кружатся, фонтанируют сверкающие брызги снега.

Если же мороз небольшой, но идет снег, а вокруг темнота, то кажется, что кто-то незримый едва прикасается к щекам, оставляя на них ощущение влажных губ, ощущение поцелуев. Снег становится рыхлым, пушистым, невесомым, нежным. В него проваливаешься, как в сон. Хлопья снега летят из небытия на свет ночных городских фонарей, летят отовсюду, странным нескончаемым белым листопадом. Он падает на наши куртки и шубы и тает, исчезая на глазах, словно и не было ничего...

Но чуть проснется мороз, и падший снег тут же становится плотным и скользким. Теперь из него не вылепить снежка. Он жёсткий, как оплавленное стекло. Под ногами он фактически становится льдом. Это мёртвый снег. С карнизов свешиваются застывшие прозрачные острые пики бывшего снега – сосульки. Об такой снег можно и порезаться.

И снова дрожит, бьётся в конвульсиях пурга, разбрасывая по-над землёй снежные летучие сети. И тянет, и тянет их за собой, будто пытаясь выловить ветер, струящийся, бьющийся в тонких сетях позёмки...

Снег течет по земле всю зиму, словно время в песочных часах. И исчезает однажды, когда наступает весеннее тепло. И возникает снова – в призрачных глубинах осени. Возникает и снова течёт и течёт, как песок, отмеряя уходящее и возвращающееся, ускользающее от нас вечное время.

Тасу-Ява

Шумят вдоль реки берега белоносые от первого пролётного снега, текут, кричат куда-то, будто пылью побитые – птицей мелкой, запоздалой, ждут зимы. И словно нет берегам конца. И нет без них – реки.

Берега, берега... нежно-трепетно несли вы реку-матушку, несли, несли да и упустили в самом-то конце. Развели свои руки-крылья широко, раздольно, щедро, по-нашему, эх, и выпало сокровище, соскользнуло меж рук в море, как в небо. И морем стала река. Морем студёным, текучим – с волнами приткими бурями, белогривыми.

Далеко-далеко виднеются ещё позади смутные берега. Растерялись они. Расплескали себя, сырые, ветряные, неразумные. Суетятся по самому краю воды насупленные рыбаки в суровых резиновых сапогах, в плащах непромокаемых. Сеть вытягивают на песчаный плёс.

А возле них чайки ненасытные глазастые так и шныряют, так и шастают. Ждут своего часа. И только лишь ссыплется на мокрый песок рыба мелочь, которую люди не берут, только отойдут от неё рыбаки, как тут же налетает жадная прожорливая крылатая толпа. И начинается яростный кипучий вороватый бой за добычу.

Печальные, пустынные, одинокие берега озираются вокруг, сутулятся откосами на сквозном ветру и всё несут, несут свою драгоценность, реку северную рыбную стылую – в жемчужных мурашках, в бесчисленных низких островах с кустиками, зайцами и вздрагивающей зяблой сырой травой.

Берега земли Тасу-Ява – долгие-долгие, как олений бег по тундре – от чума к чуму, от стойбища к стойбищу, от озера к озеру, от одного священного холма до другого... Всё дальше и дальше уводит олений след от вечной реки, всё ближе к древнему, как ненецкий бог Нум, мудрому небу, низко склонившемуся над матерью-тундрой, осыпая её быстрыми звёздами ранней осени...

На Севере всё – ближе к небу. И реки, и берега, и звери, и люди... Такова Тасу-Ява испокон веков. И дай нам Бог сохранить всё это на земле и в сердце своём.

Маруська

Занесло меня как-то декабрьской ночной метелью в старенькую гостиницу в маленьком тундровом поселке. Гостиница без особых удобств – всё в коридоре, общее. Обшарпанное. Заслуженное. В советские ещё времена отстроенное. Типовое – для колхозников, раньше такое в каждом городе возле рынка было, и везде одинаково называлось – «Колос» почему-то.

Но выбрать было не из чего. Возвращался я из тундры, после многочасовой изнурительной тряски в попутном «Урале» среди бесконечных безлюдных снегов. Очень хотелось спать, вытянув ноги горизонтально. Что я и сделал через пару минут после того, как заселился в комнату.

Просыпаюсь утром от резких нечеловеческих вскриков в коридоре. Что такое? Выглянул. Никого. Опять вскрик. Заметил, что доносится он из помещения напротив чуть наискосок. Перед ним вывеска на стене: «Кафе «Мечта». В такой глуши – и целое кафе! Ну, конечно. – мечта и есть. С утра особенно. Умылся и пошел в это самое «кафе». Захожу. И кто тут кричал с утра?

Перед ближайшим столом стоит на стуле и, раскачиваясь, держится за его спинку обеими мохнатыми руками обыкновенная маргышка. То есть, натурально – обезьяна. И не где-нибудь там, в джунглях, а здесь, в дикой тундре! А маргышка, оказывается, прибежала требовать с поварихи законного завтрака. И меня вперед себя пропускать, между прочим, не намерена!

Да, я-то особо и не возражал. Забавное существо. Повариха (она же официант, она же вахтерша, она же и швейцар-вышибала) рассказала короткую историю об этой любительнице утренних завтраков в кафе.

Приезжали недели две назад в их поселок какие-то киношники молодые. Вероятно, зимнюю природу снимать. Что тут снимешь полярной ночью-то? С ними и эта обезьянка была. Зачем взяли её в такие холода – совсем непонятно. Чтоб не скучно было, наверное. Пропьянствовали пару дней и уехали. А животное некормленное, естественно, на улицу сбежало. Никто из парней о ней с похмелья и не вспомнил.

Вскоре нашли Марусю (так её здесь сходу «окрестили») два пацана-школьника из дома напротив. Нашли и сюда принесли. К кормежке ближе – в «кафе». Оказывается, сидела несчастная дрожащая Маруся на заборе возле помойки, облаиваемая всеми местными собаками. Видимо, пыталась пожить на помойке, да не успела. Она ведь для северных собак кто? Дичь. Экзотическая, конечно, но – только дичь, не более того.

Пожалели люди обезьянку, пригрели, выходили от стресса, прикормили, а дальше как быть – никто не знает. Но умереть не дадут. Это я точно знаю. Не такой у нас народ на севере, чтобы живой душе не помочь. Спасибо, люди добрые, за ваше сердце. Фильмов они снимать не умеют, конечно, но зато и в беде никого не бросают. Проверено, правда, Маруська?

Не от мира сего

Снова и снова разглядываю фотографии, сделанные мной в начале прошлого лета и сейчас, позавчера. Фотографии одного и того же места: что это? На что похоже? И как это назвать, чтобы передать то ощущение, которое невольно возникает при взгляде на него? А ощущение однозначно: передо мной нечто из «не отсюда». И как оно сюда вообще попало? Больше всего своим силуэтом оно напоминает огромную говорящую голову, с которой сражался Руслан из пушкинской сказки «Руслан и Людмила». Представьте себе: плоская, как бесконечный стол, тундра во все стороны света, а посреди неё – то ли гора, то ли холм, то ли огромный бугор – нечто, не имеющее вокруг себя никаких географических аналогов, ни «братьев», ни на намека ни на какую возвышенность. Всё вокруг ровно и гладко. И вдруг – бах: пуп земли торчит.

На Аляске его называют «Пинго», в Якутии – «Булгунях», а здесь, на Ямале – «Седэ». Ни в европейских тундрах, ни на Дальнем Востоке – его нет. Я обнаружил его примерно в пяти километрах юго-восточнее тригопункта Нягуся. В июне при съёмке с вертолёта он помимо размеров и высоты выделялся на фоне окружающей желтовато-красновато-светлозелёной растительности сочным темно-зелёным цветом своих трав, кустарников и деревьев. А зимой стало виднее, что одна его сторона, как шерстью мамонта, покрыта лесом, а другая – лысая. И что в его очертаниях проглядывает конус со стертymi гранями пирамиды.

Мы привыкли к тому, что если есть возвышенность или гора, то рядом непременно есть нечто такое же. Если растёт дерево, то и лес (или сад) где-то рядом. А тут это не работает. Гора есть, но вокруг до самого горизонта нет никаких, абсолютно никаких возвышенностей, даже намека на них нет!

Ненцы рассказывают о том, что жили раньше в тундре сихиртя, люди небольшого роста, со светлыми глазами. Сихиртя обладали многими умениями, не свойственными современным ненцам, так, например, они умели плавить металл и изготавливать украшения из него. А потом земля перевернулась, или случился потоп, и теперь сихиртя живут под землей и пасут там мамонтов. Лишь иногда по ночам они выходят на землю... В сумерках из-под земли слышны порой их удивительные песни, не похожие ни на чьи иные. Сихиртя обладают волшебными вещами, да и сами зачастую способны творить настоящие чудеса. Обитают они на первом уровне подземного мира – в холмах... Они умеют строить искусные жилища там, под холмом, укрепляя их деревом и перекладывая дерном так, что рядом пройдёшь и всё равно не заметишь. Учёные выдвигали предположения о том, что это – народ, родственник современным саами... Специалисты допускают наличие такой народности в глубокой древности – в качестве доисторического населения тундры. Кстати, о мамонтах: возраст останков мамонтов, живших на острове Врангеля, сравним с возрастом древнеегипетской цивилизации, так что не слишком давно всё это и было. Если бы некие народы жили в ту эпоху неподалеку от мамонтов, то... Пасти мамонтов? Почему бы и нет? Слонов же одомашнили.

Существует предположение о внеземном происхождении «пинго-булгуняха-седэ». На фотографиях с Марса, полученных при помощи достигших этой планеты спутников, видны образования, происхождение которых возможно было точно таким же, как и наблюдавшейся мной горы посреди ровной тундры. Наледь от не выходящей на поверхность подземной (и подмарсианской) воды, успевая замерзнуть, вспучивает породы, находящиеся выше, и всю поверхность через серии трещин. Марсианские наледы по сути являются глетчерами, питание которых, как и в случае с «седэ», происходит не за счет атмосферных осадков (снега), а за счет давления из глубин планеты.

По мнению исследователей «булгуняхов» булгуньяхи в тундре – по-видимому, свидетели других физико-географических условий, чем те, которые господствуют в настоящее время в окружающей их местности. Для меня это тоже очевидно: «сие – не от мира сего».

Снежные куропатки

Кого можно встретить зимой в безлюдной заснеженной тундре? Ну, в первую очередь и чаще всего – снежных куропаток. Удивительные существа! Совершенно не боятся никакой движущейся техники. Ладно, допустим, что у гусеничного вездехода слишком большая скорость для того, чтобы среагировать раньше, а не выпархивать стаями прямо из-под грохочущих гусениц. Пусть это не так, ибо снежная куропатка на самом деле – птица шустрая, однако, мы сделаем такое ошибочное предположение. Но вот движется тяжелый бульдозер, все знают, как он передвигается: у него скорость пешехода, да и грохочет так, что земля трясется впереди на сто метров минимум, а снежные куропатки опять же – выпархивают чуть ли не из-под многотонного ножа. Слышат, видят и не боятся совершенно. Вот они, у покрытого льдом зимнего озера: бегают жизнерадостно возле прибрежных захлебнувшихся снегом кустов и березок, почками кормятся. Именно бегают, а не летают: точно – белоснежные куры на птицефабрике, только ростом помельче и размерами тоже.

А выйдешь из вездехода, чтобы уж в упор сфотографировать: мигом вспорхнут и исчезнут в снегу за ближайшим бугорком. Подойдешь, начнешь их высматривать: ни души! Снег ровнёхонький. Так умело прячутся в нём: ни следа, ни лунки не разглядеть. Зато по весне, а весна в тундре в июне начинается, приходилось мне встречать снежную куропатку сидящей в гнезде, свитом прямо на вершине ржавой запорной арматуры старой разведочной буровой скважины. Сидела настороже, но никуда так и не улетела. Потомство своё берегла. Материнский инстинкт.

А вот лебедь белая тогда же, весной, при моем приближении не выдержала, покинула гнездо с пятью крупными яйцами. Впрочем, отлетела она недалеко, и как только я отошёл в сторону шагов на двести, вернулась обратно – досиживать.

Ещё зимой, особенно почему-то ночью, попадают под слепящие фары вездехода зайцы и полярные совы. Сверкнув совы глазами и тут же пропадают в темноте, а зайцы – шибко быстро разбегаются. По этой причине ни тех, ни других мне так и не удалось ни разу толком сфотографировать, увы. Хотя видеть их приходилось довольно часто.

Белоснежные красавцы-песцы сами к человеческому жилью приходят, тявкают по ночам, переговариваются. Лишь бы собак поблизости не было. Не любят они собак. Людей почти не боятся, а собак не любят. Почему приходят? Там, где селятся люди, всегда есть чем поживиться песцу. В этом смысле они – не гордые. И косточке помоечной поклонятся, не побрезгуют. Голод – не тётка.

Про северных оленей много сказано и написано. Мне они встречались и в упряжках, и пасущимися у стойбища, и бегущими вдоль зимника. Особенно запомнилось, как однажды, посреди ночи, когда я в уазике-«буханке» торопился на утренний рейс в аэропорт из маленького тундрового посёлка, огромное оленьё стадо растеклось поперек дороги, словно стадо обычных овец: ни пройти, ни проехать. И сигналили им, и кричали на них: без толку. Упрямыцы рогатые. Впрочем, я не опоздал и на них давно уже не сержусь, только вспоминаю то зрелище: полярная ночь, пурга и сигналивший уазик, окруженный бесконечным молчаливым оленьим стадом. Свет фар и тени оленьих рогов в снежной замяти... Красота!

Ненцы

Как только ни называли их раньше: и дикарями, и самоедами, и туземцами. А про бедных чукчей сколько анекдотов насочиняли, сколько напраслины возвели... Кто? Мы – напущенные самодовольные обыватели, сидящие в тепле и холе, пользующиеся всеми благами цивилизации и ни черта не умеющие, ни на что в тундре не пригодные, ничего в ней не смыслящие. Так чем же мы кичимся? Невежеством своим?

Умный народ – ненцы, немногословный, спокойный и осторожный: не всякому чужаку души свои доверят, горьким опытом наученные. «Нен» на их языке означает «человек». То есть, ненцы в переводе на русский – просто «люди». А раз так, то все люди на земном шаре – тоже ненцы, не только маленький, гордый северный народ... Живут ненцы, если они не городские и не поселковые, в стойбищах семьями. Семьи, проживающие в одной местности, образуют общины. Тундра только с виду кажется нелюдимой. На самом деле, стоит лишь начать строительные-монтажные работы на будущей буровой, как уже едут к буровикам на нартах и снегоходах местные общинники: знакомиться, рыбу или оленину везут на продажу. А если уж ты сам – перелётная птица, прокладываешь дорогу к новым местам, то, образно говоря, стоит тебе чихнуть, как вся тундра уже знает, что ты заболел.

Каслать – значит «кочевать», странствовать по тундре со своими оленьими стадами в поисках драгоценного дымчато-седого ягеля – мха, которым питаются олени. И перемещаются чумы ненецкие по надымским, пяхяхинским, ярсалинским и иным ямальским тундрам из века в век. Здесь, в мыскаменной тундре на берегу озера Юндо зимой далёкого 1933 года родилась Елена Григорьевна Сусой – в народе её называют теперь «мать Ямала». Недавно ей исполнилось 80 лет. Помню, как эта настороженно встретившая меня хрупкая мудрая женщина, вдова знаменитого ненецкого поэта Леонида Лапцуя и директор музея-квартиры имени его, послушав мои стихи вдруг вся изменилась, открылась сердцем, начала рассказывать о своей судьбе и запела. Да, она начала петь народные ненецкие песни с такой душой, так проникновенно, что даже меня, незнающего языка, пробрало. Удивительно ёмок и многозначен ненецкий язык: одно и то же по написанию слово, произнесённое с разной интонацией, может иметь совершенно разные смыслы. Елена Григорьевна – кандидат педагогических наук, заслуженный учитель Российской Федерации, автор множества научных трудов, продемонстрировала мне стихотворение из книги Леонида Лапцуя на родном языке – всего из трёх или четырёх строчек, а затем – перевод того же стихотворения на русский язык в другой книге поэта. Стихотворный перевод занимал полторы страницы! Столько понадобилось хорошему профессиональному переводчику для того, чтобы хотя бы приблизительно передать смысл коротенького по объёму, но очень глубокого по содержанию ненецкого стихотворения!

До сих пор помню о первой встрече с удивительным человеком, Григорием Петровичем Ледковым. Мне нужно было срочно с ним увидеться по делам, и он согласился принять меня у себя дома, несмотря на неурочное время. Я увидел скромного ничем не кичащегося человека в домашней обстановке: старенькой квартирке с деревянным бугристым от сырости полом, с духотой сотни раз замороженного и размороженного влажного дерева, с бельевыми веревками для сушки детского (у Григория трое детей – тогда они были совсем еще маленькими). А ведь он к тому времени имел уже два высших образования: педагогический университет им. А. И. Герцена в г. Санкт-Петербурге по специальности «учитель истории и культурологи» и Санкт-Петербургский государственный университет по специальности «юриспруденция», был автором научных монографий... Умный проницательный и одновременно добрый взгляд, правильная интеллигентная речь. Прошло несколько лет, и вот совсем недавно я случайно увидел его в новостной телевизионной передаче. Увидел, узнал и искренне рад тому, что Григорий Петрович ныне депутат Государственной Думы России от Ямала. За год с небольшим

работы в Думе он внес на рассмотрение более 20 законопроектов, в том числе – об утверждении методики возмещения убытков, причиненных в результате нанесения ущерба исконной среде обитания коренных малочисленных народов Российской Федерации. Верю, что человек, на себе испытавший тяготы жизни и работы в условиях Крайнего Севера, никогда не предаст интересы своего народа.

Семьи ненецкие поразительно неприхотливы в быту. Никогда не забуду, как однажды полярной ночью напросилась к нам в вездеход семья из пяти ненцев: он, она и трое ребятишек – мал, мала, меньше. Им срочно нужно было на своё стойбище. Взяли, конечно. Едем. Часа через три стучат в кабину вездеходчика: пора выходить. Выпустили из вездехода. Стал я озираться вокруг: ни огонёчка, никакого жилья, никакой тропинки, только снега и снега повсюду. Куда же они? Открыл дверцу кабины, кричу вслед: «Куда же вы идёте? Тут ведь нет ничего!» Глава семейства обернулся и отвечает с улыбкой: «Спасибо, что подвезли! Тут нам уже недалеко – всего километров 15 и мы дома!» То есть, для них – пятнадцать километров, как для нас – булочная за углом. Сейчас я такому уже не удивляюсь, привык.

Ненцы умеют быть благодарными за любую оказанную им услугу, это приятно осознавать, особенно когда вовсе никакой благодарности и не ждёшь. Так, однажды, в конце короткого ямальского лета пожилому седовласому ненцу Вячеславу Валентиновичу Салиндеру срочно понадобилось попасть на своё стойбище в тундре у рыбного озера. Нашему рейсу это было по пути, но вертолётчики сразу предупредили, что посадка не запланирована, потому вертолёт только присядет, не заглушая двигателя, на несколько секунд, чтобы человек успел выйти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.